

Известия - 1994 - 25 окт. - с. 7

Приз «Хрустальная Турандот» лучшему спектаклю минувшего сезона достался «Жертве века», мюзиклу, поставленному Андреем Гончаровым по пьесе Островского. Среди достоинств спектакля особо отмечались его «актуальность» и «злободневность». На мой взгляд, однако, лубок с канканом и шансонетками менее всего напоминает перст указующий и предупреждающий. Зрителя пугают, а ему не страшно. Чуть опереточны в «Жертве века» и злодеи, и страсти, и беды. Действительно же пугающе получился, как ни странно, невозмутимый, по-восточному мягкий, с вечно ласковой улыбкой Салай Салтаным — Армен Джигарханян. Медлительность, спокойствие и хитрость матерого хищника. Джигарханян почти не приближается к авансцене, избегает эпицентра событий: подлинными «хозяева жизни» не шумят и не горячатся, они предпочитают задний план.

— Как вам удалось угадать своего Салай Салтаным? Вы наблюдали за такого рода людьми, встречали их в жизни?

— Конечно. Я ведь хожу по улицам, езжу в транспорте,правляясь на бензоколонках. Мы играем «Жертву века» немного наивно. Много слов, много эмоций. А у этих людей ничто не отражается ни на лице, ни в голосе. Ноль чувств, ноль сомнений, ноль переживаний. Чем ровнее и одноцветнее интонация, тем ближе к правде. Все страшнее, потому что проще. Если такой человек говорит: «Ваш поцелуй дорогого стоит...», так это буквально надо понимать. И следующее, что он скажет: «Плачу!» Заурядная деталь может рассказать о них больше, чем весь наш спектакль. Например, эти не по размеру широкие пиджаки — чтобы не выделялось оружие.

— На ваш взгляд, Армен Борисович, нет ли некоторого лукавства в самом выражении «жертва века»? Не родилось ли оно из пустой сентиментальности? Быть может, слабый человек неизбежно оказывается жертвой, в каком бы веке и при какой системе он ни жил, и в этом нет ничьей вины, кроме его собственной?

— Тут больше подойдет слово не вина, а беда. Мой персонаж из «Жизни Клима Самгина», Варавка, говорил: беда русских интеллигентов в том, что они «логикой слов хотят изменить логику истории». Так возникают жертвы века — люди, делающие не то, чего требует время. Не успевающие скорректировать курс своей жизни по новому ветру.

— Пыль против течения, жить вопреки времени — есть ли в этом смысл?

— По логике слов — есть. Но по логике истории судно, спорящее с ветром, скорее всего, будет опрокинуто. Освободившееся место спокойно займет другой человеческий тип, вообще не интересующийся логикой слов. Я репетирую со своими студентами во ВГИКе чеховских «Трех сестер». Там нет откровенных «хозяев жизни», нет «мафии» в нашем сегодняшнем понимании. Зато супергениально показаны люди, не могущие противостоять злу. Чехов, по моему, очень жесткий автор, даже жестокий. Уже после крушения, в финале пьесы, завершающая реплика Ольги: «Если бы знать, если бы знать!» Если бы знать, что придет Наташа, их «человек с ружьем», что она вытеснит сестер со сцены жизни, со

сцены истории, знать заранее и действовать... Природа в отличие от нас не терпит апатии. Пассивность одних — всегда повод к активности для других.

Армен ДЖИГАРХАНИЯ:

Сюжеты нашей жизни не располагают к мюзиклам

— Выходит, как раз незнание умножает скорбь?

— Да нет, все-таки знание. Знать ведь нужно правду, а она некрасива. Красоту мы потом придумываем сами. Но для того, кто отворачивается от малоприятной правды жизни, однажды может наступить тяжелое похмелье.

— Что лично вы вкладываете в понятие актуальности? «Три сестры» — актуальность мысли, «Жертва века» — злободневность фабулы. Что ценнее для сцены?

— В принципе нечто подобное «Жертве века» могло бы быть написано и сегодня. Новые «Три сестры» — вряд ли. Мне больше по душе, когда серьезные, глобальные проблемы решаются не в жанре бытовой мелодрамы. Тут предпочтительнее зловещий язык. В «Трех сестрах» нет никаких прямых ассоциаций с нашим днем, поэтому меньше соблазн что-то прибавить от себя. Дополнять великое — вообще грубая ошибка. Мне не нужны автоматички в финале бергмановского «Гамлета». Почему меня считают идиотом? Вполне достаточно пьяного Клавдия — нетрудно представить, что происходит в стране с пьющим правителем... Осовременивание

классики скучно и бессмысленно. Узнаваемость подменяется похлеще. Какая разница, камзол на герое или пиджак, раз пьеса все равно будто про нас, раз есть узнаваемость типов и страстей. Великие не просто составляли слова, они пытались постигнуть суть. А она не меняется. Шекспир ничего не угадывал и не прозревал. Он точно описал свое время, которое бесконечно повторяется.

— Вы считаете, просто буквально повторяется? Даже не на новом «витке», как принято говорить?

— Я осторожно отношусь к теории «спирали». У меня очень субъективное мнение, но мне ка-

жется, что наша жизнь — не спираль, а круг. Важнейшие ее элементы не меняются. Всегда привожу в пример величайшее чудо — зачатие, созревание плода и роды. Прошли тысячелетия, все осталось по-прежнему. Появились какие-то технические приспособления, теперь женщина может увидеть фотографию своего еще неродившегося ребенка, но это все — во круг, около, сам же процесс нерушим и вечен. То же с человеческой душой. Она проходит свои, обязательные и неизменные, стадии развития. Достоинства, слабости, пороки человечества одинаковы во все времена. Страшное наше наказание — интеллект, способен изменить мир, но не человека в мире, не его взаимоотношения с миром. То есть объект изучения искусства всегда один и тот же. Если драматургу удастся проникнуть в суть человека, его пьесам суждено оставаться вечно актуальными. Макбет именем любви совершает преступление, потому что леди Макбет — тоже именем любви — внушает ему: ты самый гениальный, ты можешь все, остальные — ничтожество и посредственности... Такого рода супружеские взаимоотношения встречаются и у нас в театре, и где угодно еще.

— Но движение по кругу бессмысленно.

— Тот же Макбет говорит, что в жизни много шума и ярости, нет лишь смысла. Вот в двух шагах от нас, на Арбате, — шум и ярость. А смысл мы с вами сочиняем...

— Вы можете определить причину этого кругообразного движения, его центропритягательную силу?

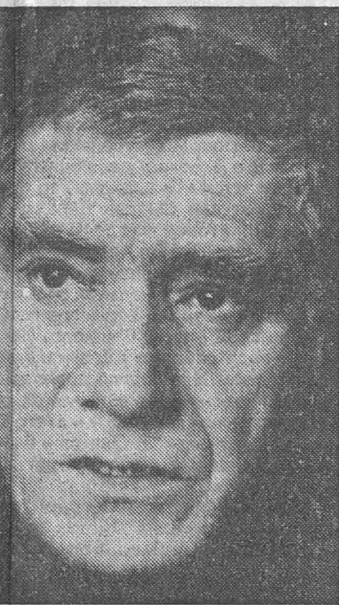
— Я считаю, что человеком в первую очередь движет необходимость удовлетворения физиологических потребностей. Это отнюдь не исключает ни идеалов, ни духовности. Но когда идеалы вдруг рушатся, на помощь приходит животная сторона нашей натуры. У человека трагедия, а он

начале дает максимум наслаждения в конце!

— Да, иллюзии в определенных дозах полезны и необходимы. Человеку время от времени нужно к чему-то прислониться. Этим пользуются те, кто запускает индустрию обмана — «Дикую розу» и тому подобное.

— А может быть, «дикие розы» — одним, шипы знания — другим, и все естественно, и ничего страшного!

— Кто-то удачно заметил, что среди неравных нельзя делить поровну. Конечно, знать правду жизни нужно далеко не всем. Еще раз подчеркну, что некрасивой правдой я называю не тяжелый быт, а логику развития истории.

нашей жизни располагают к другим жанрам.

— Что вы испытываете в связи со страшными потерями, обрушившимися на нас в один год? Ушли сразу трое величайших актеров: Леонов, Борисов, Смоктуновский...

— Мне очень больно. Это мое поколение. Со всеми ними я работал, общался. С Иннокентием Михайловичем Смоктуновским мы просто провели бок о бок последние полгода, снимались в одной картине у Наумова. Вместе отдыхали, когда все случилось... Я совсем не мистик, не вызываю духов, но... Трудно и больно вспоминать. Была другая жизнь. И теперь она ушла навсегда. Мы не вправе называть это несправедливостью, это решается без нас.

— Могут ли эти потери окантаться роковыми?

— Риторический вопрос. На него можно ответить однозначно утвердительно и далее, по тексту. Но до тех пор, пока в людях не иссякнет потребность беседовать, делиться, будут приходить другие, новые. О тех мы будем вспоминать. Но жизнь — как обед. Никогда воспоминания о вкусе чего-то давно съеденного не перетянут блюда, стоящего перед тобой на столе. Наша боль останется нашей болью, а жизнь пойдет дальше.

— Ощущаете ли вы себя сейчас хоть в какой-то степени акалом, «патриархом русской сцены»?

— Как на духу — ни в малейшей. Мне смешно и неловко, когда меня студенты называют «мастером» или «шефом». Недавно в Петербурге мне сказали: «Мы тут подсчитали, вас осталось одиннадцать». Я не стал выяснять, кто остальные десять... Я выхожу на сцену только потому, что внутри живет желание дурачиться.

— То есть ответственность перед отечественным искусством вы не испытываете? Не мучит мысль — как же я уйду, ведь тогда останется всего десять!..

— Не испытываю. Не мучит. Я своих студентов учу быть безответственными. Не стараться никому понравиться. Серьезно проповедовать идеи — невыносимо. Надо заниматься человеческими делами, любить, ненавидеть, жалеть. Театр — все-таки какое-то космическое чудо. Приходят в зал солидные взрослые люди, бросив все дела, другие, такие же взрослые и солидные, выходят на сцену. И они играют, балуются друг с другом. Здесь нет места такой скучной материи, как ответственность, звание, вклад в искусство... Я продолжаю настаивать на том, что наша жизнь — играем ли мы на сцене, делаем научные открытия, любим, есть — бесконечное самоудовлетворение. На сцене проходит головная боль, какие-то сосуды расширяются. Никто, кроме самих актеров, об этом не знает. И искусствоведы про это не пишут. Хотя это как раз самое важное.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.
Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

Знать должен тот, кто может, кому Бог дал такую способность.

— Армен Борисович, «Жертва века» — не первый мюзикл в вашей актерской биографии. Что вы вообще думаете о русском мюзикле, можем ли мы быть оригинальными в этом жанре?

— Не знаю. Не знаю... Пока мы делаем все а-ля Америка, но без их восторга, без душевного ликования. Мы тяжеловеснее, мрачнее, основательнее. У нас, если помните, еще Чехов сказал: «От хорошей жизни не запоешь».

— В одной фразе — целая антимюзикльная философия. Значит, этот жанр нам не подходит по темпераменту?

— Петь и танцевать с куражом мы, конечно же, можем. Но если ты говоришь об оригинальности, значит, подразумевается собственный, незаимствованный сюжет. А ты замечала, какие у нас жестокие, страшные сказки? Даже сказки — самое радостное, самое волшебное в любой национальной литературе. Я понимаю, как ставить мюзикл по «Золушке». А по «Аленькому цветочку»?.. Как этот кошмарный сон переложить на музыку, что будет петь и танцевать на сцене: чудиха, черти?... У нас сюжеты не пригодны для мюзиклов. Сюжеты